

Борис Лихтенфельд

ИЗ КНИГИ СТИХОВ

"МИФОЛОГИЯ ОПЫТА"

СТАНСЫ К БЛАГОВЕЩЕНИЮ

Нет, не воздухом... Знаю, исчезнет...

Только Духом одним!..

Вдохновенья родник невеществен

И неисповедим.

Вот и чувственный опыт отброшен.

Все пределы тесны.

Льётся свет, но стеклом отгорожен

Яркий запах весны.

Звуки умерли. Почва готова,

Чтобы голос пророс.

Реет облако в облике Слова.

Повеленье... Вопрос...

- Собери свои силы, исполни!

- Может быть, кто другой?

Но в ответ лишь сверкание молний

И раскат громовой...

Пусть эпоха рождает проблемы,

Затруднённо дыша.

Ну а вдуматься - нет иной темы,

Кроме БОГ И ДУША!

БЛАЖЕННОЙ ПАМЯТИ

МОСКОВСКОГО ХРАМА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ

Перекипел, Москва, твой самовар

И разорвался, окропив застолье

Горячей кровью. Двести лет татар

Т о т год вместил бы... Но прошёл угар -

И снова слышен зов на богомолье,

Клич /глас осьмый/: спастись и спастись!

Гостеприимная — ни дать ни взять —
Как тёща, знаменитая блинами
И болтовнёй, на пряном фирмике
Настоянной. Промеж её сынами
Неблагодарный затесался зять.

Сидит утрём, ни слова не проронит,
И ни одно из полчища словес,
Пылящего беспечно до небес,
Его глухого сердца не затронет.
Неуязвим, как призрак или бес.
Опущен долу взор. Душа — потёмки.
На дне её — усопшая звезда.
И прошлого священные обломки
Дают урок ей — не свивать гнезда.
О вас ли думать, жалкие потомки?..

Красней, Москва, припёртая к стене!
...Как на духу, за чаем точат лясы:
Земля в тряпье... Воевышний на Луне...
Та восемь лет не потребляла мяса,
Тот, кабы не Христос, утоп в вине
/Что было б лучше, ибо на свободу
Не всем есть выход из тюрьмы греха/.
Вот так вино пресуществляют в воду
И третьего не слышат петуха!..

Всё чуждо мне... Игрею под сурдинку.
Судить не смею. Прячу боль и стыд.
Один, один... — я лепечу навзрыд
И, проходя сквозь тихую Ордынку,
Вдруг замечаю, что душа парит...

Клуби, Москва, в кругу своём семейном
Открытых душ любвеобильный пар!

Скорби, Москва, склоняясь над бассейном,
Где прежде клокотал твой самовар!

ХОЖДЕНИЕ В НАРОД

Изжить тоску-истоку,
Встряхнуться и воспрянуть.
В народ: в огонь иль в омут.
Понять: сгореть иль кануть.

За правдой сермяжной,
За почвенной скрюжалю,
За бренью трёхэтажной,
За удалю и далью.

И вот перед тобою,
Полна высоким смыслом,
Жизнь мужика с сохой
И бабы с коромыслом.

Здоровый быт. Сивуха.
Подстилка из яриги...
Но тяжёлы для духа
И простоты вериги.

Но вдруг себя поймал
На том, что интереса
К их жизни не питаешь,
И на глазах — завеса.

Иначе — поволока,
А ты шуту подобен...
Какой-то бред из Блока,
И всё, на что способен —

Пленишь простосердечьем
И местным диалектом,

Над стадом человеческим
Кружить с орлиным клектом.

...И фразы эти лживы.
Лети же прочь, оставь их...
Здесь нет тебе поживы.
Пушкой себе Астафьев...

Пушкой народным благом
С тоски играет ветер,
Как выгоревшим флагом
На жёлтом сельсовете!

Ты, зная, забыл, что мечен
Печатью инородной,
И всюду будешь встречен
С враждою безотчётной.

И сердце не смягчится,
Умным обито,
А только отягчится
Ещё одной обидой.

Душа твоя бесстрашна
И жаждет обновления,
Но жертва эта зряшня,
И нет благословенья

Тебе от Бога, Иже
Тобой зело разгневан!
Вот подступают ближе...
Молись о них, как Стефан!

Глядят в упор глупые
Озлобленные лица...
Так вот она, стихия,
С которой надо слиться!

Представить не в силах я мир без меня,
Поверить, что жизнь без малейшей заминки
Последует дальше, трусцой семеня,
Что бес мой и тот не зайдёт на поминки

/Не так уж легко раздвоиться ему,
Как слухи бытуют/. Какое бесстыдство
На что-то надеяться, прятаясь во тьму,
И праздное там сохранять любопытство!

Ужель меня тронет, всплакнёт ли жена
Иль, ставши вдовою, вздохнёт облегчённо?
Ужели смущусь, как поднимают со дна
Недавнюю тайну судить отвлечённо?

Ужель не утрачу к тебе интерес,
Неведомый мой, умудрённый потомок?
Ужель подглядеть захочу позарез
Из тех беспросветных бесстрастных потёмок,

Чем всё разрешится здесь? Рай ли земной
Наступит? разыграет ли ада утроба?
Ужели откликнусь? Какою волной
Варьяном разбужен, я встану из гроба?

О Господи! Душу мою не тирань!
Хотя бы на миг приоткрой мне завесу!
Позволь мне до срока почувствовать ГРАНЬ,
А после — сдавай полномочия бесу!

МУЗЕЙНЫЙ ВЕК

Отпоржавшей тварью слово
Опочило на игле.
Всё смешалось бестолково
В застывающем стекле.

Тут и Мекка, и Микены,
Утварь, мощи, вид руин,
Манускрипты, манекены,
Эпос, этнос, нафталин...

Речка Лета обмелела.
Экскурсант поджал уста,
Будто нет иного дела,
Как разглядывать с моста

Дно её, подводных тварей
Ход, Истории поток...
Вот гигантский мемуарий
Выползает на песок.

Пасть зловонную разинул,
Всех и вся похрать готов...
Вот несут ему корзину...
Писк младенца... Нету слов,

Как уродлив!.. Тесно в зале:
Немагничен экспонат,
А в сыреющем подвале
Дух божественный хранят.

Обморочен лженаукой,
В анфиладах гулких "о",
Заблудился — ну, аукай!
Бей в смертельное стекло!

Пот и кровь... Дыханье чьё-то
За спиной... Всё — тщета.
Скорбен взор у звездочёта,
Чует: близится черта.

...Не потопом, уж конечно,
И не атомной войной —
Жизнь, я верю, человечно
Остановит Всеблагой.

Вечный сон, как в старой сказке,
Воцарится на Земле,
Сохраняя жесты, краски
В застывающем стекле.

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ ТЕРЦИНЫ

Паузой набухнувшее Слово
Кануло в магический поток.
Тень скользит по дну сознания немого.

Блик играет: божества намёк
Или первожизни отголосок...
А вторая проступает между строк,

Как вода между осевших досок
Мостика для стирки. Повод скрыт
В прибережной тине, мелок и небросок...

Но благоволение Харит
Оживляет хладные глубины...
Пенится поток и третью жизнь творит,

И вращает жернова судьбин.